

Однако при проверке информации о машине он столкнулся с препятствиями, но в конце концов выяснил, что это был автомобиль семьи Лу.

Семья Лу?

Чжоу Хуайсю едва сдержал холодное выражение лица. Первой его мыслью был Лу Чан, и он сразу же позвонил ему.

Лу Чан, получив звонок и услышав вопрос, долго молчал, прежде чем признать правду, сказав, что это была просто шутка, и он хотел взять Хуайцзина с собой развлечься.

Чжоу Хуайсю почувствовал лёгкое беспокойство. Лу Чан не был тем, кто стал бы просто так прогуливать уроки ради развлечения. Но его подозрения не успели укрепиться, так как машина действительно принадлежала семье Лу, и у Лу Чана не было причин лгать. Чжоу Хуайсю не стал дальше размышлять на эту тему. В конце концов, Хуайцзин был в безопасности, и он вздохнул с облегчением.

Чжоу Хуайсю ответил:

— Я только что снова поговорил с ним, и он пообещал, что больше такого не повторится.

— Надеюсь, так и будет, — госпожа Чжоу улыбнулась. — Его мать скоро вернётся из-за границы, и, если он снова набезобразничает, я заставлю госпожу Лу снять с него шкуру.

— Дети дружны, не стоит так переживать, — господин Чжоу был равнодушен. Прогул урока — не преступление, и это лишь показывает, что они близки. Хотя они и не зависят от семьи Лу, но если это поможет укрепить отношения, то почему бы и нет? Это добавит ещё один слой защиты для нашего племянника, и это хорошо.

Госпожа Чжоу, хотя и говорила так, на самом деле не была всерьёз рассержена. Она с укором посмотрела на мужа:

— Ты всегда умеешь быть миротворцем.

На самом деле, супруги думали одинаково, считая это хорошим знаком.

Но семья Чжоу не знала, через какие испытания совести прошёл Лу Чан.

Когда он получил звонок, его первым желанием было отказаться. Как только Чжоу Хуайсю упомянул, что кто-то на машине семьи Лу похитил Чжоу Хуайцзина, он сразу же догадался, что это сделал его дядя. Но зачем ему прикрывать почти врага?

Лу Чан боялся, что, как только он расскажет правду, Чжоу Хуайсю ворвётся в дом Лу, чтобы потребовать от дяди объяснений. Поэтому он решил взять вину на себя и позвонил Чжан Цимину.

В семье Лу Чжан Цимин считался самым бесстыдным, но Лу Чан знал, что его дядя был ещё более бесстыдным, просто у того редко была возможность это продемонстрировать.

Общаться с Чжан Цимином было тоже нелегко, но, по крайней мере, это было лучше, чем напрямую сталкиваться с дядей. С дядей он мог только проиграть, как муравей, которого раздавили, потому что дядя даже не удостаивал его разговором, ведя себя по принципу «Я не слушаю, мне всё равно, что ты говоришь, я сделаю, как хочу, и попробуй меня остановить».

Перед лицом огромной власти Лу Чан даже не мог попытаться быть правым, потому что логика бандита заключалась в нём самом, и кто мог с этим поспорить?

Чжан Цимин, казалось, уже ожидал его звонка и, как обычно, с фальшивой почтительностью произнёс:

— Большой господин.

Лу Чан:

— ...Когда вы собираетесь вернуть его?

Чжан Цимин усмехнулся:

— Маленький господин Чжоу и второй господин сейчас наслаждаются беседой. Когда время придёт, мы его вернём.

— Не трогайте его, — холодно сказал Лу Чан.

— Лучше скажите это второму господину.

— Передай телефон дяде, — голос Лу Чана стал ещё холоднее.

Чжан Цимин усмехнулся, и Лу Чан почувствовал, словно ему в лицо плеснули злобой, услышав, как тот с притворным сожалением, понижая голос до вкрадчивого шёпота, произнёс:

— Извините, второй господин не хочет разговаривать с вами. Он сейчас занят с молодым господином Чжоу.

Говорят, что Чжан Цимин — джентльмен, но Лу Чан считал его просто хулиганом в маске джентльмена.

Сердце Лу Чана сжалось, и он сжал зубы, срочно направляясь в главный дом.

С тех пор как Лу Ин и его жена уехали за границу, Лу Чан также жил с сестрой за пределами дома. Огромная вилла с садом стала пустой, как дом с привидениями, и удивительно, что второй господин мог там жить.

К сожалению, он не был Чжан Цимином, иначе ему не пришлось бы напрягаться, а просто сидеть и ждать, пока второй господин сам вернёт человека.

Лу Чан поспешно прибыл в дом Лу, но второй господин уже ушёл, отправив Чжоу Хуайцзина обратно, и сам отправился в компанию. Там его встретил старый лис, дядя Юнь, который с улыбкой сказал, что давно не видел большого господина и скучал по нему.

Лу Чан смотрел на старческое лицо дяди Юня, не понимая, зачем он так унижал себя.

Он не знал, зачем его дядя привёл Чжоу Хуайцзина в дом Лу, но его дядя никогда не делал ничего хорошего и не тратил время на бесполезные дела. Для Лу Чана дядя всегда был равносителен неприятностям.

Он вспомнил неясный разговор родителей о смерти деда.

Это было много лет назад. Состояние деда перед смертью было нестабильным, и в ночь перед

кончиной Лу И один остался в палате. На следующее утро дед умер.

Лу Чан не знал, были ли это беспочвенные догадки его родителей, но опасность, исходящая от Лу И, в его глазах никогда не уменьшалась.

Он вынудил своих родителей уехать за границу, оставив его и сестру в стране под своим контролем, якобы для воспитания наследников семьи Лу, но на самом деле это было угрозой для родителей.

Они с Лу Цзю жили в достатке, но ядро семьи Лу было для них недоступно. Когда родители впервые уехали, они ещё не покинули дом, но он заметил, как характер сестры становился всё более капризным, и понял, что что-то не так, после чего увёл её из главного дома.

Планы Лу И относительно семьи Лу никогда не были сиюминутной прихотью. С тех пор, как Лу Чан начал помнить себя, он пережил смерть деда, огромные перемены в семье, чуть не погибшего отца, внезапный отъезд родителей за границу и изменения в характере сестры. Каждое из этих событий было тщательно спланировано, что показывало, как змея Лу И, делая каждый шаг, затягивала людей в ловушку, из которой невозможно было выбраться.

Перед сном Чжоу Хуайцзин достал носовой платок и внимательно его осмотрел, осторожно проводя пальцами по ткани.

Он был прохладным на ощупь, мягким и пропитанным лёгким ароматом.

Он накрыл платком лицо, и аромат проник в самое сердце.

Даже ложась в постель, Чжоу Хуайцзин не хотел снимать его и спал всю ночь, накрыв лицо платком.

На следующее утро он обнаружил, что платок смялся под его щекой, и он случайно оставил на нём следы слюны. Чжоу Хуайцзин с огорчением выстирал платок, но аромат стал слабее, чем раньше.

С мрачным лицом он повесил платок сушиться, а когда спустился вниз, бледный вид вызвал беспокойство у всей семьи Чжоу.

На этой неделе Лу И больше не приходил к нему.

Чжоу Хуайцзин одновременно надеялся, что его снова заберут, и не хотел беспокоить семью. К счастью, Лу И понял, что был слишком поспешным, и изменил стратегию.

Каждый день в обеденное время Чжоу Хуайцзин обедал с Чэн Сыгу, а когда вернулся Лу Чан, они стали обедать троём.

Во вторник за обедом Лу Чан лишь мельком осмотрел его с головы до ног и, увидев бледное лицо, коротко сказал:

— Всё в порядке.

Они пошли в столовую, зашли в отдельную комнату и стали ждать, когда принесут еду. Через некоторое время кто-то привёз тележку с едой, и блюда, одно за другим, заполнили весь стол, причём все они были любимыми блюдами Чжоу Хуайцзина.

Чэн Сыгу удивился:

— Лу Чан, когда ты стал таким щедрым? Зачем заказывать столько еды? Неудобно будет забирать остатки в класс.

Лу Чан слегка напрягся. Он сразу узнал в официанте Чжан Цимина, но не стал раскрывать его, лишь холодно отрезал:

— Если можешь есть, то молчи.

Чжан Цимин с улыбкой сказал:

— Приятного аппетита.

Затем он деликатно положил носовой платок рядом с Чжоу Хуайцзином.

Платок в сине-белую клетку.

Глаза Чжоу Хуайцзина загорелись.

— Эй, почему у него есть платок, а у нас нет? — Чэн Сыгу схватил уходящего Чжан Цимина, пытаясь выяснить у «официанта» причину.

Чжан Цимин с неизменной улыбкой ответил:

— Наверное, потому что он красивый?

Чэн Сыгу промолчал. Он же считался школьным принцем, когда его начали оценивать по внешности?

Чэн Сыгу посмотрел на Чжоу Хуайцзина и молча отвёл взгляд. Ладно, он промолчит...

Чжоу Хуайцзин взял чистый платок, аккуратно поднёс его к носу и вдохнул. Бледное лицо слегка порозовело.

— Эй, этот платок выглядит знакомо... — Чэн Сыгу приблизился.

Чжоу Хуайцзин уклонился, снова сложил платок и убрал в карман. Теперь у него было два платка.

— Зачем ты его убрал? — спросил Чэн Сыгу.

Чжоу Хуайцзин серьёзно ответил:

— Платок чистый.

— Если ты не используешь его, дай его мне.

<http://bllate.org/book/16647/1525374>